

Б. В. Емельянов

## ЦАРИЗМ ПРОТИВ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА (три эпизода гонений)\*

В истории русской мысли немало примеров преследования царской властью по идеологическим мотивам не только философии, но и естественного права. Трём из них, когда были приняты репрессивные меры по отношению к профессорам естественного права и их произведениям, посвящена эта статья. В начале XIX в. из Харьковского университета и из России был удален за приверженность философии Шеллинга профессор И. Б. Шад, читавший полный курс философии и естественного права, а его книги запрещены. В 1820-е годы был отстранен от преподавания естественного права в Царскосельском лицее и Петербургском университете А. П. Куницын. Его книга «Право естественное» запрещена и изъята из продажи. Против преподавания естественного права в Казанском университете выступил известный консерватор Л. М. Магницкий, который устроил суд над профессором естественного права Г. И. Солнцевым, уволив его из университета. По его настоянию не только в Казанском, но и других университетах страны преподавание естественного права было запрещено в 1833 г. Библиогр. 10 назв.

*Ключевые слова:* цензура, естественное право, запрещение, И. Шад, А. Куницын, Г. Солнцев.

*B. V. Emelyanov*

### TSARISM AGAINST THE NATURAL LAW (three episodes of persecution)

In the history of Russian thought one can find many examples of persecution by the Tsarist government for ideological reasons, not only of philosophy but also of natural law. During three of them, repressive measures against the natural law professors and their works were taken which are the focus of this article. In the early nineteenth century Professor I. B. Schad, who gave a full course of philosophy and natural law, was removed from the University of Kharkov and from Russia for the commitment of Schelling's philosophy, and his books were banned. In the 1820s A. P. Kunitsyn was removed from the teaching of natural law in Tsarskoye Selo Lyceum and the University of St. Petersburg. His book *Natural Right* was banned and withdrawn from sale. The famous conservative L. M. Magnitsky was an opponent of teaching of natural law at Kazan University and initiated a trial of professor of natural law G. I. Solntsev, dismissing him from the University. On his insistence, not only in Kazan, but also in other universities the teaching of natural law was forbidden in 1833. Refs. 10.

*Keywords:* censorship, natural law, prohibition, I. B. Schad, A. Kunitsyn, G. I. Solntsev.

Не только собственно философия как дисциплина преподавания в российских учебных заведениях, но и естественное право как ее составная часть знает немало примеров, особенно, в первой половине XIX в., негативного к себе отношения. Под разными предлогами власти пытались запретить преподавание естественного права, изъять и уничтожить книги, ему посвященные, уволить из университетов профессоров, преподающих естественное право. Среди акций правительства, направленных против естественного права в этот период, три носят наиболее значительный, можно сказать, обобщающий характер.

---

*Емельянов Борис Владимирович* — доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российская Федерация, 620002, Екатеринбург, ул. Мира 19; bve35@yandex.ru

*Emelyanov B. V.* — Doctor of Philosophy, Professor, Ural Federal University named after first President of Russia B. N. Yeltsin, 19, ul. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; bve35@yandex.ru

\* Статья написана по материалам исследования, поддержанного грантом РФФИ № 13-03-0018а.

Первое — дело профессора Харьковского университета И. Б. Шада (1758–1839), рекомендованного для работы в России Гете и Шиллером. В университете он читал полный курс философии, включающий логику, этику, историю философии, психологию, метафизику, естественное право. 22 декабря 1815 г., а затем 5 января 1816 г. на Совете Харьковского университета Шада обвинили в том, что защищенные под его руководством докторские диссертации по философии Гриневича и Ковалевского списаны с его книг и лекций. В течение года на одиннадцати заседаниях Совета заслушивали объяснения Шада и докторантов, сличали тексты. Уже получивший к тому времени степень доктора П. А. Ковалевский и И. Б. Шад написали на имя министра народного просвещения жалобы-объяснения. Шад в своей жалобе, не отрицая факта широкого использования докторантами его идей и текстов, раскрыл свое понимание сложившейся ситуации. В частности, он писал: «Что касается до диссертации Гриневича, то хотя он многое и заимствовал из моих манускриптов, продиктованных мною в течение шести лет студентам, однако много также присвоил из собственных своих идей и познаний, особенно что касается до разрешения главного предложения. Студенты философии не имеют других источников и пособий, кроме моих манускриптов и моих книг. Нельзя от них требовать, чтобы они составляли собственные системы; пользоваться моими манускриптами и книгами и защищать публично с похвалою основания философии. В немецких университетах диссертации пишутся большей частью самими профессорами, а от студентов требуется только, чтобы они умели их на публичных диспутах надлежащим образом защищать» [1, с. 170].

22 ноября 1816 г. Совет Харьковского университета, руководствуясь предложениями управляющего делами Министерства народного просвещения князя Голицына и попечителя учебного округа Потоцкого, решил представить магистрам Ковалевском и Гриневичу год для усовершенствования в философии, затем на основании § 100 устава университета разрешить им подвергнуться новому испытанию [1, с. 161].

И все же не этот эпизод повлиял на дальнейшую судьбу профессора Шада. В Совете университета вспомнили, что еще в 1814 г. Совет рассматривал благонамеренность философских взглядов Шада, их соответствие общему духу университетского образования. Тогда министр народного просвещения граф Разумовский прислал в Харьковский университет отношение, в котором указывал: «...до сведения моего дошло, что Шад рекомендовал Дудровича, как сведущего в системах Канта, Фихте и Шеллинга. А так как с видами министерства народного просвещения не согласно распространение в учебных заведениях учения Шеллинга, то предлагаю университету беспристрастно донести, какой системы философских наук придерживается профессор Шад, равно и Дудрович, и одобряет ли ее университет» [1, с. 178]. Тогда Совет университета, рассмотрев философские взгляды Шада, определил, что «он не усматривает противоречия философии профессора Шада с целями общественного образования» [1, с. 178].

Теперь же, два года спустя, памятуя отрицательное отношение министра народного просвещения к немецкой философии и особенно к Ф. Шеллингу, секретарь Совета университета профессор Каменский и профессор Дегуров послали ему доносы, в которых прямо, ссылаясь на биографию профессора Шада, его книги «Жизнь отца Синцера» и «*Institutiones juris naturae*», обвиняли автора в привержен-

ности новейшей немецкой философии, в рационализме, выходах против христианской религии и морали.

Министр граф Разумовский с должным вниманием отнесся к этим доносам и поручил анонимному рецензенту просмотреть названные книги профессора Шада. Рецензент подтвердил справедливость обвинений профессора Шада в приверженности немецкой философии, в призывах к свободе совести и разума. Судьба Шада была предрешена. И все же граф Разумовский не решился ничего предпринять против Шада, а поручил Совету Харьковского рассмотреть присланные ему цензурные замечания на книгу «*Institutiones juris naturae*». Помимо общих замечаний о сложности этой учебной книги, отвлеченном и абстрактном характере многих ее положений, рецензент подчеркнул главное: «Автор придерживается новейшей в Германии возникшей философии и в особенности последует по крайней мере в главных правилах системе Шеллинга; а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введение этой системы в России и вкоренение ее в память молодых россиян? Кроме того находятся разные места, в которых автор рассуждает не с надлежащей осторожностью и выражает мысли свои с тою скромностью, которая нужна в учебной книге. В его сочинении приводятся места совсем не сообразные с коренными в нашем государстве понятиями о государственной власти...» [1, с. 174–175].

Пока Совет Харьковского университета решал, как быть с этой уже несколько лет являющейся учебной книгой, в Петербурге произошла смена министров. 10 августа 1816 г. вместо Разумовского министром духовных дел и народного просвещения царь назначил князя Александра Николаевича Голицына. Новый министр одним из первых своих приказов решил судьбу профессора Шада. По его предложению Комитет министров 3 ноября 1816 г. решил: 1. Профессора Шада удалить немедленно от должности и выслать за границу; 2. Обе изданные им книги совершенно истребить; 3. Это решение довести до сведения всех университетов. Вскоре Александр I утвердил решение Комитета министров, и оно вступило в силу. Хотя Шад и написал оправдательную записку, она не смогла изменить принятого решения. Спустя две недели, 8 декабря 1816 г., по предписанию министра полиции Шада спешно (в 24 часа) через Белосток, большого и без денег, вывезли за пределы Российской империи.

Спустя несколько лет естественное право вновь стало объектом обсуждения и последующего запрещения. На этот раз дело касалось книги профессора Александра Петровича Куницына (1783–1840). Сын сельского священника, он окончил Тверскую духовную семинарию и как один из ее лучших выпускников 14 октября 1803 г. был принят в Петербургский педагогический институт. В 1808 г. Куницына среди одиннадцати лучших сокурсников отправили за границу, где он в течение трех лет слушал лекции в университетах Геттингена и Парижа. По возвращении, выдержав испытания в институте и Академии наук, он был назначен адъюнкт-профессором в Царскосельский лицей, на открытии которого прочитал лекцию «Наставление воспитанникам». Присутствовавший на открытии лицея Александр I наградил Куницына Владимирским крестом.

В лицее Куницын читал курс нравственно-политических наук: этику, право, психологию, финансы. В 1816 г. он получил звание профессора и с 1817 г. по 1820 г., параллельно с лицеем, преподавал естественное право в Главном педагогическом институте, преобразованном в 1819 г. в университет. Одновременно он читал

публичные и частные лекции по политэкономии и естественному праву, которые посещали многие декабристы.

В 1818 г. Куницын опубликовал первую часть своей главной книги «Естественное право», а через два года — вторую часть. Директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгард намеревался преподнести книгу Александру I. Все преподносимые царю произведения подвергались экспертизе в Министерстве народного образования. «Естественное право» также рассмотрели члены Ученого комитета Главного правления училищ министерства. Академик Н. И. Фус признал книгу «достойной приподнесения государю императору по следующим причинам. Она — первая по этому предмету на отечественном языке. Написана систематически и по хорошему плану, сходному с планом лучших немецких сочинений по естественному праву». Особо рецензент отметил политическую осторожность Куницына: «В иностранных книгах о прикладном праве естественном часто встречаются начала, несовместимые с нашим государственным управлением, но автор, не нарушая общей системы наук, сохранил в этом отношении надлежащую осторожность» [2, с. 205]. Противоположного мнения придерживался недавно назначенный член Ученого комитета Д. П. Рунич, зарекомендовавший себя к тому времени критическим отношением к естественному праву, о чем говорят его отрицательные отзывы о некоторых рукописях, посвященных естественному праву, хранящиеся в рукописном отделе Пушкинского дома [3]. Как позже вспоминал сам Рунич о рукописи Куницына, «прочитав ее, я не знал чему более удивляться: теории ли сего сборника антихристианских и антимонархических нелепостей — или намерению Куницына посвятить его высочайшему имени государя, православного и самодержавного!» [4, с. 61]. Отзыв Рунича на книгу Куницына был сугубо отрицательным. Получив его, ученый комитет Главного правления училищ провел два заседания. На первом, 30 сентября 1820 г., было «слушано мнение г. члена Д. П. Рунича о том, что книгу под названием “Право естественное” сочинение профессора Куницына, по ее духу и учению признает он не только опасною, но и разрушительною в отношении к основаниям веры и достоверности священного писания. Она есть ничто иное как сбор пагубных лжеумствований, которые к несчастью довольно известный Руссо ввел в моду и кои взволновали и еще волнуют горячие головы поборников прав человека и гражданина, ибо сличив последствия сего философизма во Франции с наукою г. Куницына, ныне изложенною, увидим только раскрытие ее и приложение к гражданскому порядку. Марат был не что иное как искренний и практический последователь сей науки. Посему заключает он, что книга сия недостойна поднесения государю императору и долженствует быть изъята из употребления по всем учебным заведениям, ибо публичное преподавание науки по безбожным системам, не может иметь места в благославное царствование благочестивейшего государя, давшего торжественный пред лицом всего человечества обет управлять врученным ему от бога народом по духу слова божия.

*Определено:* Представить господину министру, что книга сия не только недостойна повергнутой быть на высочайшее воззрение, но самая продажа и употребление оной признается вредным и опасным и посему необходимо ее воспретить» [5, л. 1–2].

Через полгода, 10 февраля 1821 г., Комитет принял окончательное решение: «*Постановили:* По принятии в сей книге за основание ложным началам и выводимому из них весьма вредному учению противоречащему явно истинам христианства

и клонящемуся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных, книгу сию, как недостойную, не подносить государю, и как вредную запретить повсюду к преподаванию по ней, а чтоб она и чрез продажу не была распространяема в употреблении, то представить министру духовных дел и народного просвещения употребить к тому такие средства, которые найдет нужным» [5, 13об.–14]. Книга была изъята из продажи, а профессор Куницын отставлен от всех преподавательских мест по Министерству духовных дел и народного просвещения.

Наконец, третье дело с преследованием университетского естественного права связано с деятельностью известного «гасителя» просвещения Л. М. Магницкого. Как попечитель Казанского учебного округа он организовал запрещение преподавания естественного права в Казанском университете.

Считая естественное право «зловредной» наукой, Л. М. Магницкий в конце 1819 г. приказал директору Казанского университета поручить одному из профессоров «представить мнение о заимствовании естественного права не из разума, а из библии». Такое мнение («Мнение христианина о естественном праве») представил профессор Г. Н. Городчанинов. Ознакомившись с ним, Магницкий в своем послании Ученому совету Казанского университета 22 августа 1820 г. писал: «Наука естественного права, непрестанно переставляема на разные основания мудрования человеческого, не только не приносила доселе пользы, но была нечистым источником из коего неверие и разврат мысли почерпали и права революционного во Франции человека, и все те разрушения для общества мечты, кои зажигали мятежи и убийства. Нет никакого сомнения, что учение библейское может и должно быть единым прочным основанием сей науки, ибо закон естественный дан в начале человеку от бога и сим законом установлено и право естественное. Какой может быть закон и какое право — не от бога и вне его» [6, с. 480].

Эти идеи были высказаны им в предложениях об изменении чтения курса естественного права, представленных министру народного просвещения. Принятию этих предложений способствовало запрещение книги А. П. Куницына «Право естественное». Главное правление училищ в феврале 1821 г. постановило частично ограничить преподавание естественного права, а также опубликовать учебное пособие «обязательное для всех и основанное на уважении к религии и существующему порядку» [6, с. 482]. Магницкий же, ратуя за полное запрещение преподавания естественного права, подал министру особое мнение, в котором, в частности, писал: «Оставаясь при моем мнении против общего заключения Главного правления училищ, в рассуждении *необходимости приостановления во всех университетах наших преподавание естественного права...* я почитаю себя обязанным объявить причины к сему упорству в моем мнении меня принуждающие: 1. Наука естественного права, без которой обходился древний Рим будучи королевством, республикою и империей и, не менее того, оставивший нам образцы совершеннейшего гражданского законоположения; без которой обходилась Франция в течение 800 лет; без которой обходятся и ныне все университеты Англии и Италии, которые, однако ж, славятся отличнейшими юристами; наука естественного права, сия метафизика прав... есть изобретение неверия новейших времен северной Германии. 2. Она всегда была опасна, но когда Кант посадил в преторы так называемый чистый разум, который вопрошил истину божию: что есть истина? — и вышел вон, тогда наука права естественного сделалась умозрительною и полною системою

всего, что видели в революции французской на самом деле, опаснейшим подменом евангельского откровения..., исторгает из руки божией начальное звено золотой цепи законодательства и бросает его в хаос своих лжемудрствований и, наконец, опровергнув алтарь Христов, наносит святотатственные удары престолом царей, властям и таинству супружеского союза, подпиливший в основании сии три столба, на коих лежит свод общественного здания...

Я осмеливаюсь спросить: может ли быть сия наука безвредною?... Можно ли опасаться приостановить повсеместное ее преподавание?... Признаюсь, что я трепещу пред всяким систематическим неверием философии, сколько по непобедимому внутреннему к нему отвращению, сколько и особенно потому, что в истории XVII и XVIII столетий ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась вера, потом взволновались мнение переменою значения и подменою слов, и от сего неперменного и как бы литературного подкопа алтарь Христов и тысячелетний трон древних государей взорван! Кровавая шапка свободы оскверняет главу помазанника божия и вскоре повергает его на плаху! Вот ход того, что называли тогда только философию и литературу и что называется ныне уже — либерализмом» [6, с. 482–483].

Одновременно Магницкий решает организовать тщательную проверку «начал», на которых ведется преподавание естественного права в Казанском университете. С этой целью он потребовал представить ему конспекты преподавания, объяснив это требование следующим образом: «Цель сего установления есть та, чтобы Совет мог удостовериться: 1. в том, что преподаватель в науке своей не отстает от ее усовершенствования; 2. что он будет преподавать ее в духе согласном с инструкцией; 3. что он дойдет до предмета ее для студента назначенного и не перейдет за оный и 4. что он выбрал в свое руководство действительно лучших классиков и принял для преподавания лучший метод» [6, с. 492]. При малейшем подозрении, что «естественное право преподается несовершенно согласно с инструкцией», Магницкий предлагал ректору «приостановить преподавание, заменив его другим предметом той же кафедры».

В Казанском университете естественное право читал профессор Г.И. Солнцев, отличавшийся независимым характером. Только после трех напоминаний спустя несколько месяцев он посылает попечителю «тетради» своих лекций под названием «Начальные основания естественного, частного, публичного и народного права» с некоторыми объяснениями. В одном из них профессор не без юмора замечает, что из всех пишущих по естественному праву, он «не нашел ни одного, которого можно было бы употребить соответственно с инструкцией, ректору данной» [6, с. 510]. «Тетради» Солцева подверглись в Казани рецензированию. Рецензировал их, как считает Загоскин, профессор Городчанинов, который в одном из своих замечаний писал: «Хотя во многих местах соглашены положения сих прав с евангельским писанием, но, за всем тем, остаются еще начала, заимствованные из новейших писателей, которые следует исключить, как нездоровые и немогущие стоять на краеугольном камне вере Иисус Христовой, и заменить другими, почерпнутыми из слова божия» [6, с. 511].

Усилив некоторые положения этой рецензии, Магницкий докладывает министру народного просвещения о результатах проверки «тетрадей» профессора Солнцева: «Тетради сия, по отмеченным мною местам, обличает профессора Солнцева в нарушении данной ему, в бытность его ректором, инструкции, ибо вопреки оной, составлена из выписок из таких авторов, кои науку естественного права основывают

на разрушительном начале законов практического разума. По мнению моему, творение сие несравненно более подлежит запрещению, нежели сочинение Куницына, ибо начало равно разрушительно, выбор — хуже, а привлечение мест из священного писания к положениям самым неистовым — довершает нечестие» [6, с. 512–513].

Магницкий просит у министра «воспрещения профессору Солнцеву, вообще, преподавание в университете до окончания зачавшегося о нем дела» [6, с. 513]. Одновременно он приказал ректору университета взять опального профессора «под строгий, но неприметный надзор университетской полиции с тем, чтобы я мог иметь через вас положительные сведения о поведении его и духе преподавания» [6, с. 513]. Более того Магницкий решил устроить показательный суд над Солнцевым, на что получил разрешение от А. Н. Голицына. Сообщая ректору об этом, он подробно расписывает процедуру суда и требует:

«1. Профессору Солнцеву, преподававшему естественное право на разрушительных началах, запретить вообще всякое преподавание в университете, впредь до усмотрения. 2. Поступок его предать на суд самого университета, в общем собрании Совета и правления, под председательством директора, за попечителя и 3. Приговор, который произнесен университетом будет, представить на усмотрение его сиятельства, с моим заключением» [7, с. 269].

Профессор Солнцев к 1821 г. имел большой опыт работы в бюрократических учреждениях; был деканом и даже ректором университета. Понимая, что в его лекциях не найдут ничего отличного от религиозных и философских взглядов, господствующих в российских университетах, он выбрал единственно верную тактику затягивания суда. Ему это удалось: суд тянулся с марта 1823 г. и потребовал 12 заседаний. На них заслушивали отрицательные рецензии профессоров Городчаннинова, Тимьянского, Пальмина, искали расхождения текстов профессора Солнцева и студенческих записей, пытались заставить его отвечать на 217 вопросов по проблемам естественного права, многие из которых носили провокационный характер. Через несколько месяцев суд сократил число вопросов до 175 и попросил ответить на них Солнцева «в непродолжительное мнение» [7, с. 269]. А он затянул с ответом на несколько месяцев, но так и не представил ответов. Понимая, что суду их не дожидаться, он 13 марта 1824 г. огласил свое решение, в заключительной части которого значилось: «А как он, г. Солнцев, разрушающими началами несообразными с гражданским порядком и явно противными Священному Писанию оскорбил Духа Святого Господня, которым он знаменован и запечатлен в день избавления им крещения, и власть общественную, то общее присутствие мнением полагает: удалить его навсегда от профессорского звания и впредь никогда ни в какие должности во всех учебных заведениях не определять» [2, с. 287]. Вскоре это решение было утверждено министром народного просвещения, а 29 июня 1823 г. его продублировал царь, и оно вступило в силу [8, л. 31].

Это было последнее крупное дело, связанное с запрещением преподавания естественного права и изгнанием его профессоров из университетов. Судьба же естественного права как предмета преподавания была предreshена. Остались лишь факты окончательного его запрещения.

По докладу Руничя 18 февраля 1822 г. чтение естественного права в Петербургской гимназии было отменено, поскольку «его начала и умозаключения противоречат истинам христианства» [9, с. 74].

В 1824 г., в первый же год своей службы в должности министра народного просвещения, А. С. Шишков приказал: «...право естественное и науки политические исключить из числа предметов, преподаваемых в гимназиях, а вместо того умножить число уроков для преподавания языков латинского, греческого и российского» [10, с. 105].

23 апреля 1833 г. «высочайшим повелением» был запрещен университетский курс естественного права, так как правительство было озабочено, «чтобы в преподавании сего предмета, столь важного как в политическом, так и в философском отношении, не могло вкрадываться что-либо несоответственное существующему в государстве порядку вещей» [9, с. 81].

## Литература

1. Багалеи Д. И. Удаление профессора Шада из Харьковского университета // Багалеи Д. И. Очерки из русской истории. Т. 1. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1911. С. 155–301.
2. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1889. 671 с.
3. Архив Д. П. Рунича // Рукописный отдел Пушкинского дома. Ф. 263. Оп. 1. Ед. хр. 15, 25, 38–40.
4. Записка... Рунича // Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. СПб.: [Б. и.], 1872. С. 61–69.
5. ГА РФ. Ф. 732. Оп. 2. Ед. хр. 135.
6. Загоскин Н. П. История имп. Казанского университета. Т. 3. Казань, 1903. 594+XVI+VI с.
7. Университетский суд над профессором Солнцевым во время попечительства Магницкого // Ученые записки Казанского университета. 1866. Вып. 1. С. 269–280.
8. ГА РФ. Ф. 733. Оп. 87. Ед. хр. 19456.
9. Аleshинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Издание О. Богдановой, 1912. X+346 с.
10. О преподавании естественного права // Журнал министерства народного просвещения. 1834, ч. I. С. 97–106.

## References

1. Bagalei D. I. Udalenie professora Shada iz Khar'kovskogo universiteta [The removal of Professor Shad from Kharkiv University]. *Ocherki iz russkoi istorii [Essays on Russian history]*. Khar'kov, Tip. «Pечатnoe delo», 1911, vol. 1, pp. 155–301. (In Russian)
2. Sukhomlinov M. I. *Issledovaniia i stat'i po russkoi literature i prosveshcheniiu. T. 1 [Studies and articles on Russian literature and education. Vol. 1]*. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1889. 671 p. (In Russian)
3. Arkhiv D. P. Runicha [Archive D. P. Runich]. *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo doma [Manuscript Department of the Pushkin house]*. F. 263. Op. 1. Ed. khr. 15, 25, 38–40. (In Russian)
4. Zapiska... Runicha [Note... Runich]. *Istoricheskie bumagi, sobrannye Konstantinom Ivanovichem Arsen'evym [Historical papers collected by Konstantin Ivanovich Arsenyev]*. St. Petersburg, [B. i.], 1872, pp. 61–69. (In Russian)
5. GA RF. F. 732. Op. 2. Ed. khr. 135.
6. Zagoskin N. P. *Istoriia imp. Kazanskogo universiteta. T. 3 [History of Kazan University. Vol. 3]*. Kazan, 1903. 594+XVI+VI p. (In Russian)
7. Universitetskii sud nad professorom Solntsevym vo vremia popечitel'stva Magnitskogo [University the trial of Professor Solntsev during guardianship Magnitsky]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific notes of Kazan University]*, 1866, issue 1, pp. 269–280. (In Russian)
8. GA RF. F. 733. Op. 87. Ed. khr. 19456.
9. Aleshintsev I. *Istoriia gimnazicheskogo obrazovaniia v Rossii (XVIII i XIX vek) [The History of classical education (XVIII and XIX century)]*. St. Petersburg, Izdanie O. Bogdanovoi, 1912. X+346 p. (In Russian)
10. O prepodavanii estestvennogo prava [On the teaching of natural law]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Journal of the Ministry of national education]*. 1834, vol. I, pp. 97–106. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 8 июня 2014 г.